

Формирование чешского этногосударственного пространства: идеологизация территории по данным хронистики

DOI 10.31168/91674-483-5.11

Чехия, с XVI в. географически образно рассматриваемая как «сердце Европы», определила свое место на континенте еще в Средневековье, когда автохтонная династия Пршемысловцев сформировала основное пространство чешского государства, что прямо отразилось в идеологии и топонимии. Возник идеологический комплекс представлений, синтезный по своей природе, включавший в себя кирилло-мефодиевскую традицию, трактуемую как политическое и в определенной мере церковное преемство от Великой Моравии, включенность в систему Священной Римской империи при сохранении в ней одного из ведущих мест (как княжество, затем королевство) и сознание этноязыковой идентичности.

Сформировавшаяся государственная идеология, отраженная в памятниках письменности и искусства, уделяла значительное внимание местам (локусам), которые связывались с этногенезом чехов (гора Ржип), династическим преданием Пршемысловцев (Стадице, Прага, Вышеград, Либушин и др.) и ранней (мифологической) историей страны (Шарка, Либице, места, связанные со св. Вацлавом и св. Людмилой). В почитании этих локусов как сакрализованных по преимуществу светских объектов этно-государственно-исторического наследия обнаруживается глубокий синтез таких понятий, как пространство, историческое время, этнос, правящая династия, культ национальных святых. Этот синтез определял характер чешского средневекового этнопатриотизма, где чешский этнос был неотделим от пространства, им занимаемого, как оно сформировалось на протяжении IX–XIII вв.

В процессе формирования этноисторического сознания чехов, начиная с X в., одним из важнейших компонентов их идентичности

становится именно топографическая локализация, связывающая исторические предания с конкретными локусами на территории страны. Они в свою очередь становятся объектами почитания, что оказывает влияние на складывание устойчивой историко-патриотической традиции. Ландшафт насыщается историческими реминисценциями и в этом смысле идеологизируется. Идеологизация территории облегчает укоренение и трансляцию в сознании чехов континуитета национально-исторического развития, следы которого отпечатаны на родной земле, присутствуют «здесь и сейчас» и являются зримым подтверждением славного (в основном) прошлого. Именно так стал трактоваться чешский пейзаж гораздо позднее, в культуре эпохи Национального возрождения, прежде всего в живописи, и позднейших реминисценциях этой культуры.

Основные сведения по данной теме содержатся в чешской средневековой хронистике, прежде всего в первой чешской хронике, написанной Козьмой Пражским на рубеже XI–XII вв. Заложенную им традицию продолжили хронисты XIV в., такие как так называемый Далимил, Пршибик Пулкава и др. В новых исторических условиях, когда после гуситской революции стало необходимым сплочение конфессионально раздробленного чешского общества, Вацлав Гаек в своей «Чешской хронике» (написана на чешском языке, издана в 1541 г.) вернулся к этой традиции, объединявшей всех чехов. Как и предыдущие хронисты, но более красочно и беллетризованно, он дает объяснения очень многим топонимам, прямо связывая их с чешской историей. Во многом это не столько фиксация преданий, сколько плод творчества самого хрониста. Общая патриотическая направленность его хроники здесь проявилась в полной мере, и именно это представляет для нашей темы главный интерес. У Гаека в этом плане много взял Павел Странский — автор сочинения «О чешском государстве», представлявшем Чехию в 1620-е гг. европейскому читателю.

Обобщая материалы чешской средневековой хронистики, сделаем попытку создать целостную картину идеологизированной интерпретации чешского пространства.

Сама географическая Чехия еще до прихода туда племени чехов описывается Козьмой Пражским и еще более так наз. Далимилом по библейскому образцу как «земля обетованная», в изобилии наделенная всяческими природными благами. Первые поселенцы, пришедшие в эту страну, — чехи, назвавшиеся так по имени их предводителя праотца Чеха. Первоначально они поселились, как сообщает Козьма Пражский, на горе Ржип в междуречье Огрже и Влтавы. Ассоциация с библейским сказанием об обретении богоизбранным народом израильским земли Ханаанской заложила идеологему богоизбранности чехов, позднее приобретшую большие масштабы, и задним числом христианизировала чешское этногенетическое предание. Таким образом, Ржип — точно географически определенный локус первого

центра племени чехов. Современная археология, однако, не выявила на Ржипе культурных слоев ранее X в., поэтому предание о первом поселении чехов следует считать историческим вымыслом¹.

Гора Ржип занимает значительное место в чешском историко-патриотическом сознании. Уже с раннего Средневековья она почитается как священное для чехов место. Его христианизация была внешне маркирована постройкой в XII в. романского храма на месте обветшавшего, что свидетельствует о более раннем, с XI в., почитании этого локуса. Храм был освящен в 1126 г. на очень высоком уровне. В присутствии князя Собеслава I церемонию проводил оломоуцкий епископ Здик. Хотя Ржип не относился к его диоцезу, он провел освящение храма по просьбе монарха, который в это время конфликтовал с пражским епископом, которому и надлежало бы совершить этот акт². Постройка костела была прямо связана с битвой при Хлумце в 1126 г., завершившейся победой чешского войска князя Собеслава I над войсками моравского князя Оты и императора Лотаря III. Ясно, что инициатива новой сакрализации Ржипа исходила от княжеской власти, т.е. являлась частью государственной идеологии. Привлечение оломоуцкого (моравского) епископа могло символизировать то, что Моравия является частью Чешского государства, что имело тогда политическое значение.

Высота горы Ржип — 456 м. Романский костел состоит из трех объемов, расположенных по схеме «лестница в небо»: низкий притвор, более высокий главный объем и высокая колокольня. Все объемы построены в форме цилиндра. Это очень типично для чешской храмовой архитектуры романского периода³. Таким образом визуально воплоти-

Гора Ржип. Современный вид.

¹ Přemyslovci. Budování českého státu / Eds. P. Sommer, D. Třeštík, J. Žemlička. Praha, 2009. S. 71, 152.

² Об этом сообщает Каноник Вышеградский: Pokračovatelé Kosmovi. Praha, 1974. S. 40.

³ Merchautová A., Třeštík D. Romanské umění v Čechách a na Moravě. Praha, 1983. S. 90, 110.

лась идея богоизбранности чешского народа, намеченная в тексте Козьмы Пражского, где «обретение родины» подано как реминисценция библейского сюжета о приходе древних иудеев в Землю обетованную. Первоначальный костел был посвящен св. Войтеху, второму значимому чешскому «национальному» святому, пражскому епископу и мученику. Новый костел сменил свою патронимию и стал костелом св. Георгия. Замена епископа на воителя, как можно предположить, перемещала акцент на боевую славу Чехии, дававшей отпор своим врагам, что подтвердила недавняя победа под Хлумцем. Новая патронимия также соотносила храм на Ржипе с монастырем св. Георгия на Пражском Граде. Монастырь был основан для женщин из рода Пршемысловцев, поэтому был особенно близок к правящей династии.

Гаек гору называет *Zříp*, что по-славянски означает *Vrch* — «холм», «возвышенность»⁴. Странский особо подчеркивает символику Ржипа: «В этом крае известна и прославлена гора, издалека видная на равнине, названная *Zřít* (Стража)», отсюда искаженное *Říp*. Предки чешского народа поселились там около 450 г. (Гаек дает другую мифическую дату — 644 г.⁵) и «заложили начало нашего государства»⁶.

Почему «пупом чешской земли» был выбран именно Ржип? Гора Ржип находится в гряде северочешских гор и до сих пор видна издалека. Ржип расположен вне «удельных» княжеств династии Пршемысловцев, довольно далеко (по чешским масштабам) от Праги, поэтому в начале XII в. вполне мог служить символом единства чешского этногосударственного пространства. Поэтому костел закладывает пражский князь, а освящает моравский епископ.

Место генезиса этногосударственного пространства чехов (локальная точка) по легенде возникло в дохристианскую эпоху, поэтому после утверждения христианства в Чехии она требовала христианизации, освящения. Так задним числом христиански сакрализировалось «обретение родины». В итоге возник синтез этнического, государственного и сакрального начал, который станет типичным для чешского средневекового сознания. К тому же Ржип стал символом целостности чешского этнического и государственного пространства и чешской идентичности.

Новое актуальное патриотическое значение этот локус приобрел в эпоху Национального возрождения. Ржип как символ в определенной мере подвергается реинтерпретации, становясь прежде всего символом чешскости, национально-исторической традиции и в таком виде источником чешского патриотизма Нового времени. В XIX в. на стене костела на Ржипе была сделана надпись: «Что для Магомета Мекка, то

⁴ *Hájek z Libočan V. Kronika česká. Praha, 2013. S. 33.*

⁵ *Ibid.*

⁶ *Stránský P. O státě českém. Praha, 1940. S. 50.*

для чеха Ржип». Изображение горы с расположенным на ней храмом св. Георгия приобретает не только символический, но и эмблематический характер, выражая идеологию чешского патриотизма Нового времени. В таком качестве Ржип присутствует на знаменитой работе крупнейшего чешского художника эпохи Национального возрождения Йозефа Манеса «Св. Георгий поражает дракона» (1863), которую следует интерпретировать как призыв к освобождению Чехии от австрийского гнета. Это не картина, а знамя патриотического объединения «Ржип» в городе Роуднице, расположенном не так далеко от горы. Изображение Ржипа занимает левую часть полотна, справа находится фигура спасаемой св. Георгием принцессы, явно символизирующая Чехию. Реалистический пейзаж Й. Манеса «Ржипский край» (1863) не несет такой прямой идеологической нагрузки. На нем знаменитая гора лишь виднеется на заднем плане, но именно она служит центром перспективной композиции. Обратим внимание на то, что обе работы созданы в 1863 г., в период нового чешского общественного подъема⁷.

В 1830–40-е гг. среди молодого поколения чехов, прежде всего из пражского образованного круга, студентов и литераторов, становятся модными «вылеты» — воскресные и летние экскурсии на гору Ржип, сопровождаемые лекциями историко-патриотического содержания, пением чешских песен, чтением патриотических стихов, собиранием цветов с исторической горы в гербарии пражских барышень, объяснениями молодых людей в любви прежде всего к Родине, а потом уже друг к другу. Такой «патриотический завтрак на траве» изображен, уже в свою очередь как историческое воспоминание об эпохе Национального возрождения, на картине художника Адольфа Ляйбшера «Výlet na Říp» (1902), отражающей авторефлексию ностальгирующего по временам романтизма чешского общества начала XX в.

Историко-патриотическими реминисценциями, которые должны были вызывать у зрителя сильные патриотические чувства, пронизаны на первый взгляд «чистые» пейзажи Ржипа, выполненные в 1880-е гг. главой чешской школы пейзажистов Юлиусом Маржаком. В них нашел свое выражение специфически чешский «ландшафтный патриотизм», понятный далеко не сразу иностранному зрителю, русскому в том числе. Открыто патриотическое звучание тема приобретает в живописном панно, написанном Ю. Маржаком для здания Национального театра в Праге, где оно заняло соответствующее место в идеологически строго продуманной концепции декора этого храма чешской культуры и главного символа чешской идентичности Нового времени. Конечно, Ржип в анализируемом плане встречается во многих произведениях чешской культуры XIX–XX вв., анализ которых может составить тему самостоятельного исследования.

⁷ *Lamač M. Josef Mánes. Praha, 1952. S. 86, 92.*

Храм св. Георгия на горе Ржип. 1126 г.

В начале XXI в. Ржип вновь реанимировал свой патриотический статус. Вошли в моду семейные экскурсии выходного дня на эту гору, в ходе которых дети в ненавязчивой форме приобщаются к чешской традиции. Очевидно, такое возобновление интереса к этому историко-патриотическому локусу связано с интеграцией современной Чешской Республики в евроструктуры, что сопровождается дискуссиями о сохранении чешской идентичности в эпоху глобализации. Непосредственно этой проблеме посвящен спектакль пражского Театра на Виноградах «Фидловачка» по знаменитой пьесе классика Национального возрождения Й.К. Тыла, где впервые прозвучал будущий чешский гимн «Где мой дом». Автор инсценировки и режиссер спектакля, поставленного в 2010 г. (автор этих строк был на премьере, собравшей чешскую художественную и политическую элиту), Иржи Гавелка добавил к пьесе сцены, основанные на протоколах заседаний Европарламента по вопросу о гимне Евросоюза. В финале спектакля, анализ которого сделан мною в другой публикации⁸, все члены Европарламента поют «Где мой дом», опускается задник, на котором мы видим большое изображение горы Ржип, взятое у Й. Манеса, как символа чешской идентичности и культурно-патриотических традиций.

⁸ Проблема национально-культурной идентичности в самосознании чешской культуры начала XXI в. (Реинтерпретация классических текстов Сватоплука Чеха и Йозефа Каэтана Тыла в современном чешском театре) // *Obraz člověka v súčasnej slovenskej literatúre* / Ed. D. Podmaková. Bratislava, 2013. S. 56–70.

С другой легендой, этатизационной, называемой в чешской традиции Пршемысловской повестью, связана деревня Стадице. Из этого локуса пошла династия Пршемысловцев, поскольку оттуда был призван на княжение основатель династии Пршемысл-пахарь. Сам акт призвания на трон Пршемысла-пахаря красочно описан у Козьмы Пражского. Последующие чешские хронисты лишь дополняли и корректировали его рассказ. Сама легенда о происхождении чешской государственности и династии, правившей Чехией с IX в. по 1306 г., конечно, имеет первостепенное значение для чешского историко-патриотического сознания. Важно отметить, что автохтонность и простое крестьянское происхождение династии прямо связываются с конкретным местом на карте. Хронисты отмечают почитание Стадиц последующими чешскими правителями. Так, король Пршемысл Отакар I выделил членам династии особые земельные наделы в Стадицах, которые назывались наделами самого Пршемысла. Позднее крестьяне Стадиц на протяжении многих веков имели специальные привилегии, подтверждавшиеся монархами, уже не относившимися к династии Пршемысловцев (Карл IV, Сигизмунд, Иржи из Подебрад и др.)⁹. Таким образом, этот локус сохранил свое идеологическое значение и в чешском королевском предании. Во второй половине XIX в. в Стадицах был поставлен памятник.

Особо выдающееся место в хрониках отводится Праге. Козьма Пражский в уста пророчицы Либуше, передавшей власть над племенем чехов своему мужу Пршемыслу, вкладывает поэтическое пророчество об основании и будущем величии Праги как столицы чехов:

Вижу великий я град, славой достигший до неба.

В чаще стоит он, в трехстах стадиях от этой деревни (Стадице. — Г. М.),
Широкая Влтава-река границею служит ему¹⁰.

За точной локализацией следует подробное описание топографии будущей столицы, как она сложилась к началу XII в.: изгиб реки Влтавы, гора Петршин и т.д.

Далее следует пророчество о святых Вацлаве и Войтехе: это две золотые лозы, которые вырастут в Праге, и «все области чешской земли и остальные народы будут их почитать»¹¹. Следовательно, новый город — столица Чехии Прага, которую хронист далее называет «владычицей всей Чехии», — прославится на весь мир, и слава эта будет связана с правителем чехов святым князем Вацлавом и пражским

⁹ Подробнее см.: Мельников Г.П. Чешская этатизационная легенда в средневековой хронистике // Вестник славянских культур. 2014. № 2. С. 9–31.

¹⁰ Kosmova Kronika česká. Praha, 1972. S. 23–24.

¹¹ Ibid. S. 24.

епископом святым Войтехом, т.е. со светской и церковной ветвями власти. Таким образом, Чехия утвердится в Европе и как государство, и как сакральный центр, а Прага станет центром чешского государственно-церковного пространства. Также необходимо отметить идеологему согласия (симфонии) государственной, светской и церковной, духовной властей. На самом деле этого не было, временами было даже противостояние, особенно при Войтехе, но для читателя была гораздо важнее сама идеологема согласия как эталон.

Огромное значение Праги для истории Чехии верно и точно сформулировал современный чешский историк Йозеф Жемличка. Он пишет: «Прага — это феномен, который (с момента ее возникновения) с самого начала является стержнем всей чешской истории. История Праги — это, собственно, история всей страны, целого чешского государства. С раннего Средневековья существовал принцип: кто хозяин Праги, тот и владеет Чехией». Прагу основал первый исторически известный князь Борживой в IX в. как крепость (град). Пражский Град с этого времени стал резиденцией князей, королей и епископов, местом коронаций и сеймов. С IX в. до наших дней Прага выполняет функцию столицы. Такая длительность функционирования в Европе уникальна. При Пршемысловцах Прага стала одним из крупнейших и значительных городов Европы. Прага являлась первым по времени возникновения городом в собственном смысле этого слова в чешском государстве как центр, изъятый из правомочий местных феодальных властителей¹². Поэтому пророчество Либуше, сочиненное Козьмой Пражским, ретроспективно воспринималось как важнейший элемент чешской исторической традиции, так как Прага реально на протяжении всего существования чешского государства являлась центром государственного, церковного, экономического и культурного пространства.

В чешских хрониках часто фигурируют локусы, прямо производные от имени княгини Либуше: град Либушин, Либушин лес и т.п. Хронист Пулкава локализует смерть Либуше в граде Либуш — современном населенном пункте Либице недалеко от Праги. При этом особо интересно, что это мифическое сведение, противоречащее сообщениям других авторов, хронист связывает с дальнейшей судьбой этого града. Он перешел в собственность вельможи Славника — отца св. Войтеха, который там вместе со своей женой, матерью св. Войтеха, и погребен. Сам же Войтех родился в Либице¹³. Таким образом, у хрониста возникает новый сакральный локус. Чешские ученые считают данное сообщение просто неточностью хрониста¹⁴, однако представляется, что

¹² Přemyslovci. S. 172–178.

¹³ Kroniky doby Karla IV. Praha, 1987. S. 275, 286.

¹⁴ Ibid. S. 413.

здесь скрыт идеологический смысл: примирение двух родов — Пршемысловцев и Славниковцев — путем общего локуса — Либице, которая объединяет государственную и церковную традиции территориально. В настоящее время в Либице, раскопки крепости которой были музеефицированы в 1960-е годы, находятся два памятника св. Войтеху: как ребенку на месте предполагаемого дома Славника и как епископу, вместе со сводным братом Радимом, будущим первым польским епископом и святым, покидающим Либице после того, как по приказу пражского князя был вырезан весь род Славниковцев.

Пять локусов, что довольно много, связанных с Либуше, приводит в своей хронике Гаек. Это град Liběhrad, деревня Libčice, град Libín, двор Libodům, Libice, упоминаемая весьма часто, в том числе как место погребения Либуше¹⁵.

В хронике Гаека появляется новый княжеский локус, неизвестный его предшественникам и явно им придуманный. Это княжеский некрополь, называемый им Княжеская гробница, под Вышеградом, где хоронили всех пражских князей языческого периода начиная с Пршемысла и кончая Гостивитом¹⁶. Первый князь-христианин Борживой уже был похоронен по-другому — в построенном им костеле св. Михаила у града Тетин, где он провел свои последние дни с женой Людмилой, передав власть своим сыновьям¹⁷. Такая родовая гробница Пршемысловцев дохристианского периода в глазах читателя отделяла их от простых смертных и одновременно воплощала в себе континуитет верховной власти и династии, поэтому существование этого локуса, хотя бы чисто литературное, являлось чрезвычайно важным для государственной идеологии.

В «Чешской хронике» Козьмы Пражского присутствует гендерная локализация. Правый берег реки Влтавы — мужской, на нем была построена крепость Вышеград как резиденция князя Пршемысла. Это военно-политический центр страны. Левый берег — женский, там после смерти Либуше начала войну чешских амазонок против мужчин племени чехов женщина из бывшей свиты Либуше по имени Шарка. Исторически это место называлось Девин, в современной топонимике Праги это урочище под названием Дикая Шарка, имеющее статус памятника природы. Таким образом, легендарная «девичья война» четко локализована в пространстве большой Праги.

Значительное внимание хронисты уделяют локусам, связанным с христианством. Крещение Чехии обретает в хронистике свою локализацию. У Пулкавы за сообщением о крещении чешского князя

¹⁵ *Hájek V.* Op. cit. S. 46, 47, 58, 65.

¹⁶ *Ibid.* S. 79, 100, 112, 126, 138, 153, 164.

¹⁷ *Ibid.* S. 179.

А. Либшер. Посещение горы Ржип. 1902 г.

Борживоя в Великой Моравии самим св. Мефодием сразу следует рассказ о «перенесении веры» св. Мефодием, которого оскорбил великоморавский князь, из Великой Моравии в Чехию, куда он переехал¹⁸. Позднее св. Кирилл проезжал через Чехию с мощами святого

¹⁸ Мельников Г.П. Политический миф в чешской хронистике. («Перенесение веры» из Великой Моравии в Чехию в хрониках XIV–XVI веков) // Культура и история. Славянский мир. М., 1997. С. 159–170.

папы Климента в Рим и задержался в ней, поэтому мощи три года хранились в костеле, названном в честь св. Климента, на Вышеграде. Такой маленький романский костелик действительно там существует, но построен он позднее — в XI в. Представляется, что хронист своей легендой стремится повысить статус Чехии в христианском мире, а локус княжеской власти — Вышеград становится также новым сакральным центром. Здесь мы вновь видим идеологему согласия государства и церкви, вообще характерную для хроники Пулкавы, причем обретающую четкую локализацию.

У Гаека есть целый рассказ о христианизации Чехии. Первым костелом, основанным Борживоем, он называет храм св. Климента в Градце Кралове, который стоит «до сегодняшнего дня»¹⁹. На самом деле костел был построен в Левом Градце (ныне в черте Праги), но хронист не ошибается, ему, в соответствии с общей идеологической направленностью хроники, требуется повысить статус объекта, поместив его в большой и славный город. Сам прием повышения статуса он использует весьма часто. Мифическое пребывание св. Кирилла в Праге Гаек насыщает событиями. В частности, Кирилл в сане епископа освящает главный костел города — храм Девы Марии (Тынский), стоящий рядом с главной площадью, и служит там²⁰. Так главный сакральный объект столицы прямо связывается с деятельностью почитаемого святого.

С XI в. идет формирование святовацлавских локусов. Главными становятся Стара Болеслав, где он был убит, и храм св. Вита на Пражском Граде, где он погребен. В этих местах происходят чудеса, связанные с явлениями св. Вацлава. Поскольку св. Вацлав стал трактоваться не только как небесный патрон Чехии, но и как ее «вечный правитель», а сами чехи составляли его «семью», то всё пространство земель Чешской короны, т.е. Короны Святого Вацлава, с ее населением являлось «земельным владением св. Вацлава» и получало через него характер сакрализованного этногосударственного пространства. При Карле IV в новом готическом пространстве собора св. Вита особо выделяется как малое сакральное помещение внутри большого капелла св. Вацлава, роскошно декорированная, где хранятся мощи святого и чешская корона. Этот сакральный локус стал в сущности главной этногосударственной святыней.

Локализовалось также почитание св. Людмилы — жены князя Борживоя и бабушки св. Вацлава. Это град (впоследствии город с замком) Мельник, где она родилась, и град Тетин, где она была убита, а также локус Сваты Иван, где жил отшельник св. Иван, которого она посещала для духовных бесед. С XII в. ее сакральным локусом

¹⁹ *Hájek V.* Op. cit. S. 167.

²⁰ *Ibid.* S. 170–171.

становится также костел монастыря св. Георгия на Пражском Граде, где она погребена²¹. Гаек в присущей ему манере повышает сакральный статус Мельника, сообщая, что Людмилу со всей ее семьей крестил именно там св. Кирилл в сане епископа²².

В хрониках локусы, связанные со всей династией Пршемысловцев, весьма многочисленны. Из-за разветвленности и большого количества Пршемысловцев («слишком много князей») все «уделы» принадлежат им. Старых племенных и местных вождей (князей) давно уже нет. Таким образом, вся Чехия является и рассматривается как земля Пршемысловцев. Государственное пространство начинает трактоваться как династическое.

Своеобразный итог развития чешского средневекового этногосударственного пространства подвел Гаек. К своей «Чешской хронике» он приложил списки городов, местечек, епископств, замков и крепостей, монастырей, костелов, часовен. Всего у него вышло 2033 приходских костела²³. Список деревень он не приводит, но указывает их общее число — 30 363²⁴. Городов разного статуса в списке насчитывается 209, местечек 312²⁵. Эти цифры свидетельствуют об очень плотном заселении страны, об ее интенсивном демографическом и экономическом освоении, о высоком уровне цивилизации. В хронике Гаека, как ни в какой другой, имеется избыток топонимов. Все они объясняются автором исторически, т.е. связываются с конкретными людьми и конкретными событиями. В результате вся чешская страна предстает как поле деятельности ее людей, как пространство исторического континуитета, что, безусловно, способствовало формированию чувства «национальной гордости» чехов.

В итоге следует отметить, что чешский хронотоп, сложившийся в Средневековье, сохранял свою устойчивость и главные черты на протяжении столетий. Это позволило авторам раннего Нового времени (Вацлав Гаек, Павел Странский и др.) с гордостью излагать историю и географию пршемысловской Чехии, видя в ней ту основу, на которой успешно развивался чешский этнос и Чешское государство. Также мы видим, что чешская этногосударственная и патриотическая символика, выраженная в локусах, является константой чешской идентичности.

²¹ Nominam Liudmilam. Mělník, 2006.

²² *Hájek V.* Op. cit. S. 170.

²³ *Ibid.* S. 1111.

²⁴ *Ibid.* S. 1112.

²⁵ *Ibid.* S. 1099–1103.